

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА И ПАМЯТЬ ОБ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС: К 35-ЛЕТИЮ РАДИАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ

Ю.Ю. Белова, М.Э. Муравицкая, Н.М. Мельникова

Юлия Юрьевна Белова | <http://orcid.org/0000-0003-2866-328X> | ybelova@hse.ru | к. соц. н., ведущий научный сотрудник | Институт прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (ул. Мясницкая 18, Москва, 101000, Россия)

Маргарита Эдуардовна Муравицкая | <http://orcid.org/0000-0003-0622-1114> | m.muravitskaia@hse.ru | аналитик | Институт прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (ул. Мясницкая 18, Москва, 101000, Россия)

Надежда Михайловна Мельникова | <http://orcid.org/0000-0002-3241-4529> | nmmelnikova@edu.hse.ru | стажер, студент 4 курса образовательной программы “История” | Институт прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (ул. Мясницкая 18, Москва, 101000, Россия)

Ключевые слова

Чернобыль, травма, коллективная память, онтологическая безопасность, радиационные риски

Аннотация

Целью исследования является описание механики “чернобыльской” коллективной травмы (А. Ассман, Я. Ассман) и способов обеспечения онтологической безопасности (Э. Гидденс) людьми, имеющими опыт проживания на загрязненных радиацией территориях (на примере Новозыбкова Брянской области и Плавска Тульской области). Метод исследования – глубинные интервью. Определено, что люди различными способами обеспечивают безопасность от радиации, управляя радиационными рисками. Способы отличаются по критериям осознанности риска и проявления активности относительно его минимизации: 1) замалчивание травмы (А. Ассман) или “вынесе-

Статья поступила 16.05.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 27.10.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Белова Ю.Ю., Муравицкая М.Э., Мельникова Н.М. Коллективная травма и память об аварии на Чернобыльской АЭС: к 35-летию радиационной катастрофы // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 197–218. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030113> EDN: HWOBOR

Belova, Yu.Yu., M.E. Muravitskaia, and N.M. Melnikova. 2022. Kollektivnaia travma i pamiat' ob avarii na Chernobyl'skoi AES: k 35-letiiu radiatsionnoi katastrofy [Collective Trauma and the Memory of the Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant: 35 Years after the Disaster]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 197–218. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030113> EDN: HWOBOR

ние риска за скобки” (Э. Гидденс) через: а) отрицание риска, когда ничего не делается для его минимизации; б) отрицание риска и неосознанное управление радиационным риском; в) признание риска и сознательный отказ от его минимизации; 2) сознательное управление радиационным риском через признание влияния радиации и его активную минимизацию.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Современные исследователи приходят к выводу, что население, проживающее в зоне действия предприятий атомной индустрии, подвержено высокой заболеваемости, смертности, снижению рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни (*Cardis et al.* 2006, *Калинкин и др.* 2021). Радиационные аварии, которые происходят на этих предприятиях, наносят еще более серьезный демографический ущерб и длительное время продолжают угрожать здоровью и безопасности людей, проживающих на загрязненных радиацией территориях или переезжающих из них (*Do* 2019). Помимо прямого демографического ущерба, подобные катастрофы несут в себе сложное и многофакторное воздействие, состоящее из биологического воздействия радиации и психологического стресса сложной структуры (*Румянцева, Чинкина* 2016: 50). Долгосрочное биологическое влияние радиационных аварий на физическое здоровье людей объясняется отложенным эффектом ионизирующего облучения, влияющего на возникновение онкологических заболеваний (*Smith, Beresford* 2005: 244). Отмечается, что на загрязненных радиацией территориях суммарная заболеваемость населения постоянно возрастает (*Яблоков и др.* 2016: 128–129). Жители зараженной радионуклидами местности имеют большие проблемы со здоровьем и чаще других обращаются за медицинской помощью (*Smith, Beresford* 2005: 298). В свою очередь, психологическое влияние радиационных аварий выражается в длительном и устойчивом сохранении высокого уровня стресса, психоэмоционального напряжения и тревожности (*Smith, Beresford* 2005: 298; *Мельницкая и др.* 2015: 14; *Kwesell* 2020; *Telukha* 2019).

Травматический опыт радиационных катастроф находится в центре внимания многих исследователей (*Мельницкая и др.* 2015; *Моляко* 2016; *Bromet, Havenaar* 2007; *Bromet et al.* 2011; *Kwesell* 2020; *Lochard* 1996; *Zhukova* 2015; *Zhukova* 2016). Такого рода травмы объясняются особенностью “восприятия радиационного риска и страхом перед последствиями аварии” (*Лазарев* 1999: 7). Специфика радиационной катастрофы заключается в том, что, при всей объективности риска, источник стресса не может быть обнаружен органами чувств (*Румянцева, Чинкина* 2016). Непрерывное нахождение человека в среде, которую невозможно структурировать, снижает его адаптационные возможности. Ощущение невозможности контроля происходящего делает личные убеждения жителей загрязненных территорий неустойчивыми (Там же: 55).

Методология исследования

Риски радиационных катастроф надолго оставляют “свой след в социальном сознании всего общества” (цит. по: *Мельницкая и др.* 2015: 13; *Foster* 2002) и с трудом понимаются и прорабатываются в течение длительного времени (*Zhukova*

2015: 58). Так, для многих русских, белорусов и украинцев память о чернобыльской катастрофе как о травмирующем событии стала не столько ограниченным во времени личным воспоминанием, сколько коллективной памятью нескольких поколений (*Chuchvaha* 2020: 5; *Marchesini* 2017). Примечательно, что на локальном уровне радиационный риск воспринимался спустя 10 лет после аварии даже выше, чем в момент катастрофы (*Румянцева, Чинкина* 2016: 53).

Действительно, травма радиационной аварии не является одномоментным явлением – она связывает прошлое, настоящее и будущее (*Ушакин* 2009: 8). Так, прошлые и нынешние симптомы заболеваний, проблемы и неудачи приписываются последствиям пережитых токсических катастроф (*Edelstein* 2003: 68; *Марченко, Тазетдинова* 2016: 101), а отложенные эффекты на здоровье формируют трагические ожидания от будущего. При этом наиболее частыми причинами для беспокойства являются еще не наступившие заболевания, предполагаемая продолжительность жизни, а также генетические мутации у потомков (*Edelstein* 2003: 68). Под угрозой находятся не только оптимистические представления о будущем, но и вера в возможность формировать их (*Ibid.*: 80).

Негативные переживания не ограничиваются периодом и территорией произошедшей аварии, они имеют разную продолжительность (*Zhukova* 2016). Согласно А. Ассман, долговременность последствий – важный симптом травмы, которая подавляется и не получает должных рефлексии и отражения в коллективной памяти (*Ассман* 2014: 98–99).

В соответствии с вышесказанным под травмой Чернобыля в данном исследовании понимается не столько сама авария, ставшая точкой отсчета травматического опыта, сколько подавленный и не запечатленный в коллективной памяти “процесс, который продолжает оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому, на их восприятие своего настоящего и будущего” (*Ушакин* 2009: 8). Коллективная травма заключается в разрыве социальных связей внутри общества (*Erikson* 1978). Поскольку же произошедшая авария лишила людей чувства общности, разрушила сложившиеся социальные связи, травма Чернобыля действительно носит коллективный характер (*Zhukova* 2016).

Коллективная память в данном исследовании понимается в соответствии с трактовкой М. Хальбвакса как групповая, когда в личных воспоминаниях человек полагается на других, независимо от того, является он свидетелем события или нет (*Хальбвакс* 2005). Кроме того, по М. Хальбваксу, необходимость коллективной памяти обусловлена построением групповой идентичности, когда смысл того или иного события интерпретируется в интересах группы, тем самым тяготея к мифу и отличаясь от документированной истории (*Айерман* 2016).

Согласно Я. Ассману, такая коллективная память проявляется в культурной (сакральной, устойчивой, разделяемой большинством) и коммуникативной (неформальной, неустойчивой) формах. Культурная память направлена на фиксирование знаковых моментов прошлого. Она опирается на “символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание” (*Ассман* 2004: 54). По мнению А. Ассман, эти символы обеспечивают “императивную общность воспоминаний для следующих поколений” (*Ассман* 2014: 32). Таким образом, места памяти и особые ритуалы обеспечивают коммеморацию и позволяют будущим поколениям ощущать причастность к историческому событию. Коммуникативная память как память поколений, насыщенная воспоминаниями, связана “с недавним прошлым” (*Ассман* 2004: 52) и возникает или исчезает вместе с группой носителей. Как справедливо замечает Р. Айерман, “прошлое не только вспоминается и,

соответственно, репрезентируется в языке, но и воскрешается, воображается через ассоциации с артефактами” (Айерман 2016).

Несмотря на устойчивый травматический опыт радиационной катастрофы на Чернобыльской АЭС как на индивидуальном, так и на коллективном уровне (Мельницкая и др. 2015; Chuchvaha 2020; Marchesini 2017), исследователями отмечается отсутствие ясных коммеморативных практик, направленных на сохранение коллективной памяти о катастрофе, в странах СНГ (Метелёва 2017; Arndt 2012).

Если общество не придает травму огласке, не запечатлевает ее в коллективной памяти, то она начинает вытесняться (Ассман 2014, 2019). Одним из способов вытеснения является замалчивание, когда общество накладывает на травматическое воспоминание “печать запрета, чтобы оно не мешало новой жизни и формированию новой идентичности” (Ассман 2014: 104). Замалчивание соотносится с тем, что Э. Гидденс назвал “вынесением за скобки” события (либо риска), нарушающего повседневную рутину (Гидденс 1994: 121, 124). Подобная реакция на травму связана с «попытками сопротивления “кошмару истории”, стремлением вернуть миру устойчивость, субъекту – целостность, а письму – стабильность» (Калинин 2013: 24). Другими словами, замалчивание является своеобразным способом преодоления “критической ситуации”, когда травма высвобождается. Поэтому травма может быть не выразима, но при этом она обнаруживается через практики замалчивания и действия людей по управлению травматическим опытом (Audergon 2004: 19, 21, 23; Dodonova et al. 2019: 158–162). Мы полагаем, что коллективная травма Чернобыля, не получая должной рефлексии на уровне коммеморативных практик, перестав закрепляться в культурной и коммуникативной памяти, замалчивается (Ассман 2014) и “выносятся за скобки” (Гидденс 1994).

Следует подчеркнуть, что, согласно Э. Гидденсу, катастрофа на ЧАЭС существенно повлияла на чувство онтологической безопасности населения (Гидденс 1994; Гидденс 2005) и ее вынесение за скобки тесно связано со стремлением обеспечить безопасность от потенциальных рисков. При этом “опыт безопасности обычно основывается на равновесии между доверием и допустимым риском” (Гидденс 2011: 153). Доверие позволяет “принять риск”, полагаясь на других людей и “экспертные системы”, тем самым снижая “градус напряжения” и формируя ощущение онтологической безопасности (Гидденс 1994: 127; Гидденс 2011: 143). Онтологическая безопасность является результатом сформированного доверия (Giddens 1991: 92). Это позволяет предположить, что люди, имеющие опыт проживания на загрязненных радиацией территориях, замалчивая и вынося за скобки травмирующее событие, обеспечивают приемлемость, привычность и рутинизацию радиационного риска через практики доверия людям и “экспертным системам”.

В ситуациях нарушения онтологической безопасности люди вынуждены искать новые ориентиры и изменять систему ценностей (Гидденс 2005). Наряду с вынесением за скобки события, такой поиск предполагает оценку и минимизацию риска (Гидденс 2011: 143). Поэтому предполагается, что приспособление к радиационному риску, как реакция на травму Чернобыля, происходит не только путем замалчивания и вынесения за скобки травмы, а в том числе и через выработку конкретных поведенческих практик, которые бы отвечали возникшим в результате аварии условиям среды.

Итак, объектом исследования является коллективная память об аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Предметом исследования выступает коллективная травма и соответствующие ей способы обеспечения онтологической безопасности.

Цель исследования состоит в описании механики коллективной травмы и типологизации способов обеспечения онтологической безопасности людьми, имеющими опыт проживания на загрязненных радиацией территориях.

Методы

Исследование коллективной памяти о трагическом потрясении, связанном с аварией на Чернобыльской атомной электростанции, выполнено в качественной парадигме и опирается на метод глубинного интервью. Первый этап исследования предполагал критериальный отбор городов. Контролировалось соответствие следующим критериям: принадлежность к категории малых городов (Свод правил 2016); расположение города в зоне чернобыльского радиационного пятна (Постановление № 1074 2015); причисление города к зоне проживания с правом на отселение (в России отсутствуют малые города, отнесенные к перечню зон отчуждения и отселения [Там же]). Перечисленным критериям соответствуют два малых города (г. Новозыбков Брянской области и г. Плавск Тульской области). Следует отметить, что оба города до 2010 г. числились в списке исторических городов и поселений РФ¹. Имея статус “исторического поселения”, город мог рассчитывать на дополнительное финансирование, а также поддержку и популяризацию культурных и туристских возможностей, развитие экономики культурного наследия (Материалы 2019). При отборе респондентов мы исходили из предположения, что люди, проживавшие на момент интервью в этих городах, и люди, переехавшие к этому моменту в другие населенные пункты, являются носителями коллективной памяти, сформированной за годы проживания в Новозыбкове и Плавске. Согласно положениям теории Д. Маниера и У. Хёрста, их объединяют семантические воспоминания (*Manier, Hirst* 2008). Таким образом, выборку составили как пережившие катастрофу на территории городов, подвергшихся радиационному загрязнению, так и живущие там, но не заставшие ее респонденты, узнавшие об аварии через других людей, а также покинувшие Новозыбков и Плавск после продолжительного проживания в этих городах.

Отбор респондентов для интервью осуществлялся через несколько точек входа в поле: личные контакты; городские группы и паблики популярных социальных сетей (Одноклассники, ВКонтакте); городские посты в блогах (Яндекс.Дзен). Метод снежного кома сочетался с отбором по месту концентрации потенциальных респондентов в виртуальном пространстве. Такой подход лучше удовлетворяет требованиям типологической репрезентативности. Всего в исследовании приняло участие 39 человек в возрасте от 16 до 75 лет.

В связи с возникшими к моменту исследования условиями распространения коронавирусной инфекции, полевая работа велась в дистанционном формате, что определило технически опосредованный формат интервьюирования. Интервью проводилось по видеосвязи через приложение, выбранное респондентом (Skype, WhatsApp, Zoom, Discord и др.). Видеосвязь обеспечивала приближение ситуации интервьюирования к естественному общению, поэтому необходимость в видеозаписи отсутствовала. Для целей транскрибирования осуществлялась аудиозапись. Исключения в виде телефонных интервью делались в единичных случаях, когда респондент не имел доступа к интернету или не умел пользоваться приложениями с функцией видеосвязи. Респонденты

предупреждались об аудиозаписи разговора и в любой момент могли отказаться от общения с интервьюером.

Как отмечает Г. Орлова, исследования дискурса о радиации как правило сосредотачиваются на аспектах секретности, профессиональных рисков и причиненного ущерба (Орлова 2019: 90). В соответствии с методологической позицией данное исследование организовано в перспективе причиненного ущерба. Кодирование осуществлялось в программе Dedoose по таким осям, как память о радиационной катастрофе и управление рисками радиационного загрязнения.

Последствия и риски радиационной катастрофы на ЧАЭС

На территории России в зоне чернобыльского радиационного пятна находится четыре наиболее затронутые катастрофой региона: Брянская, Тульская, Орловская и Калужская области. При этом самое выраженное бремя последствий аварии несут на себе территории Брянской и Тульской областей.

В Тульской области в 2018 г. был отмечен один из наиболее высоких “грубых” показателей смертности на 100 000 населения (263,9) (Каприн и др. 2019: 133), а в 2019 г. зафиксирован наивысший отрицательный коэффициент естественного прироста населения (-8,3) (Окладников и др. 2020: 219). В 2017 г. по сравнению с 2016 г. прирост случаев злокачественных новообразований составил 5%, а по сравнению с 2008 г. – 14,2% (Постановление № 239 2019). В свою очередь, Брянская область, по данным Минздрава, занимает второе место среди субъектов Российской Федерации по числу заболевших онкологическими заболеваниями на 100 тыс. населения (Каприн и др. 2020: 6). По данным 2018 г. наиболее высокий удельный вес опухолей IV стадии был зафиксирован в Брянской области и составил 28,7% (Каприн и др. 2019: 9). С 2007 по 2017 гг. среднегодовой темп прироста смертности от злокачественных новообразований в Брянской области увеличился на 12,2%, тогда как в России он снизился на 1,6% (Постановление № 275-п 2019).

Вместе с тем по состоянию на январь 2020 г. в Тульской и Брянской областях сохранилось наибольшее количество населенных пунктов с высоким уровнем загрязнения цезием-137 (Шершаков и др. 2020). Исследователи утверждают, что “прогноз содержания цезия-137 в лесной подстилке... в наиболее загрязненных районах Брянской области на период до 2046 г. свидетельствует о сохранении высокой степени радиоактивного загрязнения лесов в Красногорском и Новозыбковском районах даже по прошествии более чем 60 лет после аварии” (Марченко и др. 2020: 16). Важно отметить, что уровень облучения может увеличиваться за счет употребления населением “природной продукции” (например, ягод и грибов). В отличие от сельскохозяйственных угодий, где применяются специальные защитные меры, в дикой природе изменение уровня радионуклидов происходит естественным, а поэтому долгим путем (Спиридонов и др. 2007: 202).

В то же время данные официальных органов, отчеты и доклады содержат информацию об улучшении радиационной обстановки (Болдырева, Овчарова 2016: 54; В ФГБУ “Брянская МВЛ” 18.02.2021; Панов и др. 2019: 26). Как отмечают специалисты, в настоящее время в Тульской области нет ни одного населенного пункта, где средняя доза облучения населения превышала бы 1,0 мЗв/год. Кроме того, в 96,2% населенных пунктов средняя годовая эффективная доза радиации составляет менее 0,3 мЗв/год (Болдырева, Овчарова 2016: 54).

Наряду с этим в СМИ сообщается о проведении локальных коммеморативных мероприятий (в противовес массовым) с привлечением небольшого числа участников (Колокола Чернобыля 2016). Одновременно происходит утрата некоторыми населенными пунктами Тульской и Брянской областей статусов “зоны отселения”, “зоны проживания с правом на отселение” и “зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом” (Постановление № 1074 2015). Таким образом, с одной стороны, статистические и научные данные свидетельствуют о том, что до сих пор сохраняются радиационные риски для здоровья и социального благополучия жителей упомянутых регионов, а с другой стороны, на официальном уровне происходит ослабление дискурса о влиянии радиации на жизнь и здоровье людей.

Наиболее затронутыми аварией в упомянутых регионах являются такие богатые объектами историко-культурного наследия малые города, как г. Новозыбков Брянской области и г. Плавск Тульской области. Эти города находятся в эпицентре чернобыльского радиационного пятна и имеют максимальные значения радиационного загрязнения цезием-137 среди других городов, пострадавших в результате чернобыльской катастрофы (*Израэль, Богдевич* 2009). Несмотря на это, в зоне радиационного загрязнения по-прежнему проживает большое число людей, и коллективная память о катастрофе является неотъемлемой частью восприятия происходящего и построения планов на будущее. Уникальность Плавска и Новозыбкова обуславливается и тем, что оба города с течением времени теряют статусы исторических городов, которые обеспечивали их культурно-историческое и социально-экономическое развитие. Так, в 2010 г. оба города были исключены из перечня исторических городов России (Приказ № 418/339 2010). В 2015 г. Новозыбков был переведен из перечня населенных пунктов “зоны отселения” в перечень “зон проживания с правом на отселение” (Постановление № 1074 2015). Подобная ситуация приводит к ухудшению экономической ситуации и является дополнительным источником стресса для людей (*Марченко, Тазетдинова* 2016: 105).

Таким образом, нахождение в области радиационного пятна и косвенные признаки социального неблагополучия свидетельствуют о том, что существуют риски для физического и психологического здоровья населения, потенциал которых освещается в разных исследованиях (*Марченко и др.* 2020: 11; *Брук и др.* 2019: 66; *Белова и др.* 2019: 43).

Коллективная память об аварии и подавленная травма

Катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции как часть истории Новозыбкова и Плавска не рассматривается респондентами в качестве события, предопределившего их городскую идентичность. Так, первыми респонденты вспоминают и наделяют большей значимостью другие исторические события и традиции: “Наш город знаменит тем, что... он старинный. Тут же жили и князья, и Гагарин” (ПМА: 1-П²), “Я думаю, что известен тем, что раньше выращивали здесь коноплю. Как бы, поэтому у нас и на гербе конопля” (ПМА: 4-Н) и т.д. Кроме того, когда оценивается нынешняя социально-экономическая ситуация и уровень жизни в городах, то ведущая роль в изменениях отводится другим факторам (“Проблема в том, что у нас нет в Плавске работы. Соответственно, молодежь уезжает” [ПМА: 9-П]), а поэтому связь катастрофы с текущим уровнем жизни городов для респондентов не является очевидной.

Как уже было упомянуто, радиационная авария и современная ситуация в г. Новозыбкове и г. Плавске, согласно теории Я. Ассмана, могут быть объединены двумя контекстами коллективной памяти – культурной и коммуникативной (Ассман 2004: 54).

Фиксация прошлого в обрядах, памятниках, мероприятиях, как неотъемлемое условие сохранения культурной памяти (Там же: 20–21), постепенно ослабевает. Так, респонденты указывают на исчезновение указателей загрязненных зон, регулярных сводок о радиационном фоне в местных газетах и информационных табло: “[Раньше] постоянно публиковались в газете уровни. Там адрес, например, юго-запад города, лес... вот такая окраина и столько, столько... Потом ходили по домам, замеряли на участках, где какой. У многих людей свои тоже были. И многие знали, в каких местах в лесу можно ходить, чтобы что-то собирать, а в каких нет” (ПМА: 2-Н). Практика измерения радиационного фона и лабораторные исследования стали восприниматься как нетипичные (“Наверное, только те, кто приторговывает, им приходится это делать [прибегать к мерам обеспечения безопасности]” [ПМА: 26-Н]). Перестали носить специализированный характер медицинские осмотры и диспансеризация, ушли в прошлое профилактические манипуляции с почвой и зелеными насаждениями, а коммеморативные мероприятия, приуроченные к памятным датам, стали ограничиваться лишь локальными инициативами в школах, библиотеках и среди ликвидаторов аварии. Когда вспоминаются памятные даты Чернобыля, говорится, что приуроченные к ним мероприятия иницируются в большей степени ее непосредственными очевидцами (“Ликвидаторы собираются там в каком-то месте, но, к сожалению, их не так много в городе, в живых я не знаю никого. Вот у моего папы был коллега, так сослуживец, скажем так, который там был, но он достаточно быстро умер” [ПМА: 16-Н]).

Респонденты говорят о ликвидаторах как о носителях “живой памяти”, которые в категориях Я. Ассмана “воскрешают и передают культурный смысл” чернобыльской катастрофы. Воспоминания, разделяемые современниками, важные для сохранения коммуникативной памяти, закономерно переживают трансформацию из “живых” в “опосредованные” (Ассман 2004: 175). Коллективная память опосредуется еще быстрее по причине ранней смертности этих людей (“У нас сосед через 2 квартиры, он был ликвидатором. Он был тем, кто выходил на крышу и собирал этот графит, куски этого графита. Он прожил, получается, еще 12 лет. У него было 3 вида рака” [ПМА: 4-Н]). Отмечается, что с уходом из жизни ликвидаторов аварии прерывается трансляция памяти о катастрофе.

Со сменой поколений и заменой “живой памяти” на “медиаальную”, коммеморация тяготеет не к полюсу истории, а к полюсу мифа, когда авария актуализируется не в виде “исторического воспоминания”, а в виде “мифического обновления” (Ассман 2014: 253). В такой ситуации утрачивается личностная связь с событием, которая переходит на уровень коллективных абстракций, “претерпевая при этом символическое и мифическое обобщение” (Там же: 252). Подобным обрастанием мифами поддерживается групповая идентичность, когда подлинная история о событии переживает трансформацию коллективной памяти. Показателен в этом плане пример с “расстрелом радиационного облака” над Плавском, о котором сообщается с высокой уверенностью, но без подкрепления этого знания достоверным источником: “Когда поперла на Москву последняя чернобыльская туча, ее надо было куда-то посадить. Иначе надо было переносить Москву. И вот ее, так все говорят, я нигде об этом не читала,

и вряд ли это будет напечатано. Но говорят все в один голос одно и то же, что эту тучу над нами расстреляли. То есть ее на нас посадили” (ПМА: 9-П). Таким образом, тема Чернобыля мифологизируется и становится частью культурной памяти. Передача коммуникативной памяти о катастрофе затрудняется и отсутствием ее артикуляции на уровне местного сообщества. Беседы об аварии воспроизводятся лишь в небольших социальных общностях (“В основном сейчас касаемся, наверно, все-таки специфики моей работы, поэтому мы вспоминаем непосредственно, когда мы идем и мероприятие проводим, соответственно, это вот среди коллег. Среди соседей тоже бывает иногда вот вечером, когда выйдешь... я в частном доме сижу. Выйдешь и постоишь что-нибудь там поговоришь” [ПМА: 5-П]).

Отдельную проблему для устойчивости коммуникативной памяти составляет миграция населения. Так, сами респонденты считают причиной ослабления памяти о катастрофе миграционные перемещения на радиационные территории людей, которые не знают об экологическом ущербе, нанесенном населенным пунктам. Наиболее очевидно это для города Плавска Тульской области, который, с одной стороны, обманчиво территориально отдален от эпицентра катастрофы и поэтому, казалось бы, он не должен быть затронут радиацией, а с другой стороны, находится совсем недалеко от Москвы и притягивает к себе москвичей как основных покупателей дачных участков и загородных домов (“Раньше те же москвичи сюда не хотели ехать, потому что именно из-за радиации, но вот оккупировали уже все районы вокруг и, соответственно, скупают жилье именно под дачи” [ПМА: 5-П], “Там практически не осталось местных жителей. Там живут москвичи. Там все дома поскупили под дачи” [ПМА: 11-П]).

Восприятие радиационных рисков и управление ими

В оценках последствий радиационной катастрофы респонденты делают акцент на индивидуальном причиненном ущербе, коснувшемся привычных повседневных практик и здоровья людей, важных для них лично. Так, респонденты с сожалением рассказывали об утрате рекреационных зон, грибных и ягодных мест, где они привыкли отдыхать с семьей: “На реке Ипать, там была туристическая база станкозавода вот. Значит, на все лето, отпуск мы проводили на этой базе... ну после восемьдесят шестого года, значит, эту базу закрыли, и потом потихонечку ее начали растаскивать, и на данный момент там просто... Она в лесу находилась, в лесу на берегу реки. Сейчас от этой базы ничего не осталось” (ПМА: 18-Н); “Был запрет на посещение леса, речки, молоко не пить, ни ягоды, ни грибы не собирать. А мы ж привыкли. У нас тут леса очень хорошие. Грибы и ягоды – это всё наше было: черника, земляника и всё это. Ну вот так. Было очень печальное такое дело” (ПМА: 6-Н).

Помимо прочего, респонденты сообщают о долгосрочном влиянии радиации на здоровье нескольких поколений родственников и знакомых (“Просто получается 19 год [в 2019 г.], столько много знакомых мне родственников, знакомых, вот именно на онкологию, онкология, онкология идет. Но очень много! Но это же тоже неспроста” [ПМА:13-П]). Ухудшение здоровья, качества жизни и преждевременная смертность ими связывается с радиационным облучением.

Радиационные риски неизбежно подрывают привычную повседневность, заставляют перестраивать собственную идентичность, а вместе с этим и проблематизировать ее прежнюю конфигурацию. По меткому замечанию И. Калинина,

“Любое изменение привычной рутины повышает уровень внешних раздражителей и оборачивается необходимостью подключения дополнительных механизмов защиты” (Калинин 2013). В терминах Э. Гидденса такие механизмы защиты используются для обеспечения онтологической безопасности (Гидденс 2005). Примечательно, что респонденты весьма по-разному воспринимают и осознают радиационные риски: одни отрицают влияние катастрофы, а другие ее всецело признают. Вероятно, на фоне стресса может происходить как вытеснение образа риска в бессознательное, так и его чрезмерное опосредование содержанием коллективного сознания (Румянцева, Чинкина 2016: 55). Когда радиационные риски признаются и проговариваются, могут срабатывать механизмы символической компенсации (Калинин 2013), когда же влияние катастрофы отрицается, травматический опыт не подлежит дискурсивной рационализации и становится травмирующим опытом (Там же).

Людьми, отрицающими влияние радиационных рисков на здоровье, выражается уверенность в безопасности окружающей среды и продуктов питания. Они демонстрируют обеспокоенность излишним вниманием к ним как жителям территорий, зараженных радиацией, поскольку считают, что качество их жизни ничем не отличается от качества жизни людей, проживающих вне радиационного пятна. С позиции концепции А. Ассман это можно объяснить попытками блокировки травмы и дистанцирования от травмирующего события. Кроме того, хотя люди обычно осведомлены о возможных опасностях, которые поджидают их в местах проживания, и они вырабатывают стратегии борьбы с ним (Phillips et al. 2010: 35), восприятие риска ими может быть притуплено: человек, живущий в постоянном стрессе, склонен недооценивать свой риск, так как его повседневное существование постоянно требует его преодоления (Ibid.: 87). Человек также может уходить в “оборонительное игнорирование” ситуации, полностью отрицая наличие риска (Edelstein 2003: 38). В данном случае люди обеспечивают собственную безопасность путем отрицания риска, ничего не делая для его минимизации.

В свою очередь, респонденты, признающие сохранение радиационных рисков, жалуются на недостаток соответствующего внимания к ним как к пострадавшим. При этом иногда их нарративы напоминают “крик души”: “Я полжизни прожила вот в этой радиации. Кто мне вернет здоровье? У нас был организован комитет, чтобы... ведь у нас же зона с правом на отселение. Юлечка, повторите, пожалуйста, вот эти слова! Я хочу их от Вас услышать! То есть Юрьев день! Понимаете? У нас есть право отселиться, но нет возможности. Нас никто нигде не ждет. А как это так с правом на отселение? Мы что? На цепи привязаны?” (ПМА: 9-П). Этой частью респондентов активно выражается чувство несправедливости и небезопасности. Несправедливость обусловлена и сокращением льготных выплат: “Все боятся просто, что снимут эти несчастные 700 рублей. Гробовые, как их у нас называют, и все” (ПМА: 5-П). Чувство небезопасности, в свою очередь, основано на опасениях, связанных с невозможностью поправить здоровье, с тревогами о радиационном влиянии и тем, что “никто ничего не делает” и “никому это не нужно” и т.д. Отсюда стремление занять активную гражданскую позицию и внести свой вклад в минимизацию последствий катастрофы и восстановление справедливости для жителей города. Другими словами, подстраиваясь под стрессовую ситуацию, люди изменяют свои привычки и практики (перестают пить зараженную воду или пьют, но игнорируют факт ее загрязненности), снижают уровень чувствительности к изменениям в окружающей среде (привыкают к “новому” вкусу воды) и т.п. (Sonnenfeld 1966: 80).

Этому типу респондентов соответствуют практики сознательного управления радиационным риском через признание влияния радиации и его активную минимизацию. В таком случае чернобыльская катастрофа становится частью идентичности человека, “абсорбируясь психикой субъекта” (Калинин 2013). В случае же отрицания рисков, напротив, “динамический баланс между болезненным опытом и идентичностью нарушается, поскольку присвоение этого опыта угрожает ее целостности” (Там же).

Следует отметить, что между упомянутыми двумя типами респондентов существует промежуточный тип, характеризующийся либо отрицанием радиационного воздействия и одновременным обращением к тем или иным способам защиты от радиационного воздействия, либо признанием риска с сознательным отказом от его минимизации. Выявление промежуточного типа позволяет говорить о том, что травма носит латентный характер и в терминах А. Ассман дает о себе знать на языке симптомов (Ассман 2014: 98). В первом варианте промежуточного типа риск не осознается, но проявляется в подсознательной защите себя от влияния радиации. С одной стороны, риск твердо отрицается: «Никто не бегаёт с копытами, никто не бегаёт с рогами и двумя головами – всё нормально. Вот. Тоже причём вопросы такие были. Это с разных районов так, с кем общаешься. Это действительно вопросы, которые задавали мне: а не бегают ли у вас какие-нибудь животные. Вот, как бы, не знаю, может “Сталкера” начитались, может быть, хотя какие-то диковины, какие-то впечатления. Говорю: “Нет ничего”. Какой-то тут, не знаю, искали туман какой-то... что-то такое. Опять же это легенды... Нет, ничего не светится, никто не светится. Вот. Всё хорошо у нас» (ПМА: 17-П). Однако в то же время респонденты указывают на попытки обезопасить себя от радиационного влияния: “Уже полжизни я пытаюсь отсюда как-то вырваться, и ничего не получается. Очень тяжело” (ПМА: 17-П). Такой способ обеспечения онтологической безопасности производится через отрицание риска и неосознанное управление им. Во втором варианте промежуточного типа риск осознается, но не минимизируется, поскольку признается фатальность риска, а его избегание становится неосознанным способом рутинизации повседневности и защиты от травмы. Этот тип обеспечения онтологической безопасности заключается в признании влияния радиации и сознательном отказе от его минимизации. Таким образом, респонденты в любом случае удовлетворяют потребность в безопасности, рутинизируя практики, или, словами Э. Гидденса, “укрощая или обуздывая источники подсознательной напряженности, которые в противном случае полностью поработили бы” их (Гидденс 2005: 19). При этом в случаях отрицания риска с одновременной его минимизацией травма становится невыразимой символически.

Доверие к радиационной повседневности и латентная травма

Согласно концепции Э. Гидденса, благодаря рутинизации радиационного риска люди повышают доверие к повседневности, а именно, к людям и к системам (символическим знаковым системам или к экспертной системе).

Отсылки к перечисленным типам доверия, упоминаемым Э. Гидденсом, присутствуют в нарративах респондентов. Прежде всего это проявление чьей-то заботы о радиационной безопасности семьи, которая выступает “прививкой”, “дозой доверия” (Гидденс 2011: 48). Так, проверка продуктов питания на радиоактивность воспринимается как забота о ее членах: “У меня обычно мама

занимается проверкой [радиоактивности продуктов питания], она заботится о состоянии своих близких” (ПМА: 24-Н). В результате рождается доверие к конкретному человеку как личное обязательство перед ним (Гидденс 2011: 217), и тогда удовлетворяется чувство онтологической безопасности. Наиболее четко себя проявляет доверие к экспертным системам, которое, согласно Э. Гидденсу, напротив, выражается в “безличных обязательствах” и “опирается на веру в правильность неизвестных принципов”. В результате признается “допустимость” риска, что играет ключевую роль для поддержания доверия (Там же: 152). В данном случае этот тип доверия порождает приемлемость радиационного риска, заставляет привыкнуть к радиационной ситуации.

Недостаток полной информации, провоцирующий потребность в доверии, связан с дистанцированием в пространстве и времени (Там же: 25). Таким образом, когда катастрофа все больше темпорально отдалается от настоящего, потребность в доверии к знанию о катастрофе только возрастает. Кроме того, в основе такого доверия лежит знание, в котором обычные люди с высокой вероятностью не разбираются (Там же: 219). В то же время, это все более обостряющееся неведение формирует в терминах Э. Гидденса как “скептицизм”, так и “почтение”, что делает доверие двойственным: “По официальной версии, то есть к нам приезжали специалисты из радиологических центров Москвы, которые замеряли уровень радиации, уровень радиации в пищевых продуктах, выращенных на нашей территории... Потом из пищевых продуктов лесные ягоды, грибы. Те же самые уровни радиации в земном покрове, в воде там... И постановили, что радий, который разлагается более 100 лет, за 30 с чем-то лет вот он... разложился и радиация упала <...> Для того, чтобы как-то снизить это все, мы брали этот счетчик и по лесу ходили, собирали. Потом папа в конце опускал его в корзину, и если пикало не сильно, то мы собирали грибы и ехали домой. А если пикало сильно, то мы разворачивались и ехали в другой лес” (ПМА: 4-Н). В приведенном примере отчетливо видно, что несмотря на обладание информацией об удовлетворительной радиационной ситуации, почерпнутой из “экспертной системы”, респондент одновременно проявляет скептицизм и продолжает производить замеры радиации в продуктах питания. Однако в то же время он выражает почтение, показывая, что “официальная версия” системы им усвоена.

Хотя констатируется доверие к информации об улучшении ситуации и в целом респонденты в это верят, возможность риска не исключается полностью. На индивидуальном уровне респонденты стараются, с одной стороны, сознательно обезопасить себя, с другой же стороны, отмечают, что лишь воспроизводят традиционные практики, к которым привыкли, потому что так принято в семье. Они признают, что хотя в целом уже не принято проводить лабораторные исследования продуктов питания, лично для себя и своей семьи это возможно: “А так уже продукты никто даже специально не проверяет, даже то, что в магазинах... Проверяем в лабораториях продукты иногда...” (ПМА: 30-Н). То же самое происходит, когда выражается отношение к безопасности сбора грибов и ягод, употреблению питьевой воды, купанию в водоемах и т.д.: “Никто не проверяет [продукты] уже давным давно. У нас такой семейный проверенный способ. Проверенный тем же счетчиком [Гейгера], ну и варим, и отвариваем эти грибы дважды” (ПМА: 4-П).

С позиции концепции А. Ассман подобное неосознанное соблюдение ритуалов по защите себя от воздействия радиации говорит о латентности травмы и ее индивидуальной терапии (по Э. Гидденсу “минимизации риска”). Следует

отметить, что такой способ управления риском наиболее устойчиво встречается в нарративах респондентов и вскрывает проблему замалчивания травмы, порожденную ее недостаточным отражением в культурной и коммуникативной памяти новозыбковцев и плавчан. Между тем, для прерывания травматической связи между поколениями индивидуальная терапия травмы недостаточна (Ассман 2014: 99). Важно, чтобы факт травмы был признан на уровне общественного и политического дискурса.

* * *

Несмотря на ослабление и культурной, и коммуникативной памяти об аварии и ее тридцатипятилетней давности, катастрофа до сих пор сохраняет свое социальное значение, выражающееся в упоминаемых последствиях радиационного риска и разных способах обеспечения онтологической безопасности. При этом последствия радиационного риска осмысляются в контексте индивидуального причиненного ущерба здоровью и повседневным привычкам, в противовес коллективному ущербу.

На фоне устойчивого акцентирования внимания на проблемах со здоровьем, респонденты весьма по-разному воспринимают радиационные риски в части обеспечения собственной безопасности и безопасности своих близких. Одни респонденты отрицают влияние катастрофы, вторые же его признают. И отрицающие, и признающие радиационный риск, в свою очередь, отличаются способами обеспечения онтологической безопасности, которые дифференцируются по критериям осознанности риска и проявления активности в отношении его минимизации. В частности, с одной стороны, “травма замалчивается”, а “риск выносится за скобки”. С другой стороны, радиационный риск осознается и производится его активная минимизация. В результате удалось выявить четыре способа обеспечения онтологической безопасности:

- замалчивание травмы или “вынесение риска за скобки” через отрицание риска, когда ничего не делается для его минимизации;
- замалчивание травмы или “вынесение риска за скобки” через отрицание риска и неосознанное управление радиационным риском;
- замалчивание травмы или “вынесение риска за скобки” через признание риска и сознательный отказ от его минимизации;
- сознательное управление радиационным риском через признание влияния радиации и его активную минимизацию.

Таким образом, восприятие радиационных рисков имеет травматическую основу, где происходит либо замалчивание травмы и ее латентное проявление, либо активное управление радиационными рисками. И в том, и в другом случае производится рутинизация риска, позволяющая снизить “градус напряженности”.

Защищаясь разными способами от рисков и обеспечивая онтологическую безопасность, респонденты превращают риски радиационного загрязнения в рутинную повседневность, повышая к ней доверие. Тем самым коллективная травма замалчивается и “выносится за скобки”.

В основе доверия лежит недостаточная для однозначного восприятия радиационных рисков информация, которая наделяет доверие двойственностью, в результате чего одновременно проявляются скептицизм и почтение к знанию о радиационном влиянии.

Хотя коллективная память об аварии в ее культурном и коммуникативном

измерениях сохраняется слабо и люди разными способами обеспечивают онтологическую безопасность, тем не менее опыт пережитой радиационной катастрофы для них остается травматичным. Все это позволяет судить об актуальном социальном значении катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции как коллективной травмы.

Благодарности

Мы благодарим участников стажерской программы Института прикладных политических исследований НИУ ВШЭ А. Подобедову, А. Петрович, А. Усовецкую, А. Ломанову, Н. Кулюлину и других за участие в сборе, транскрибировании и кодировании социологических данных, а также А. Блудову за сбор эмпирических данных и ценные комментарии, сделанные в ходе подготовки программы исследования.

Примечания

¹ Новозыбков и Плавск являлись историческими городами Брянской и Тульской областей согласно перечню исторических городов, отраженном в приложении № 1 к федеральной целевой программе “Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 годы)”. Но в 2010 г. Приказом Минкультуры РФ № 418, Минрегиона РФ № 339 от 29.07.2010 “Об утверждении перечня исторических поселений” перечень был сокращен, и Новозыбков и Плавск были исключены из него.

² Здесь и далее в системе ссылок на полевые материалы цифра обозначает порядковый номер интервью в полевом архиве авторов, а П/Н – указание на город записи Плавск/Новозыбков соответственно.

Источники и материалы

В ФГБУ “Брянская МВЛ” 18.02.2021 – В ФГБУ “Брянская МВЛ” провели около 500 исследований по определению содержания радионуклидов в продукции АП. https://newsbryansk.ru/fn_683197.html (дата обращения 07.04.2021)

Калинкин и др. 2021 – Калинкин Д.Е., Тахауов Р.М., Мильто И.В., Самойлова Ю.А., Жуйкова Л.Д., Тахауов А.Р., Тахауова Л.Р. 2021. Совершенствование стратегии охраны здоровья персонала предприятия атомной индустрии и населения, проживающего в зоне его действия // Социальные аспекты здоровья населения 67 (1). <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1228/30/lang,ru/> (дата обращения 01.04.2021)

Колокола Чернобыля 2016 – Колокола Чернобыля // Правительство Брянской области. 27.04.2016. <http://www.bryanskobl.ru/news/2016/04/27/4728> (дата обращения 07.04.2021)

Материалы 2019 – Материалы парламентских слушаний Совета Федерации “Актуальные вопросы развития малых городов и исторических поселений”. <http://council.gov.ru/media/files/bcssOKgb1CXVpVxb5WjAP4YU7u5dILLf.pdf> (дата обращения 01.04.2021)

ПМА – Полевые материалы авторов. Интервью с жителями г. Плавск и г. Новозыбков. Сентябрь 2020 – март 2021.

Постановление № 275-п 2019 – Постановление Правительства Брянской области от 27 июня 2019 года № 275-п «Об утверждении региональной программы

Брянской области “Борьба с онкологическими заболеваниями”». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3200201907040014> (дата обращения 01.04.2021)

Постановление № 1074 2015 – Постановление Правительства Российской Федерации от 8 октября 2015 года № 1074 “Об утверждении перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”. <http://docs.cntd.ru/document/420307886> (дата обращения 01.04.2021)

Постановление № 239 2019 – Постановление Правительства Тульской области от 26 июня 2019 года № 239 «Об утверждении региональной программы Тульской области “Борьба с онкологическими заболеваниями”». <https://docs.cntd.ru/document/561424790> (дата обращения 01.04.2021)

Приказ № 418/339 2010 – Приказ Минкультуры РФ № 418, Минрегиона РФ № 339 от 29.07.2010 “Об утверждении перечня исторических поселений”. <https://docs.cntd.ru/document/902229996> (дата обращения 01.04.2021)

Свод правил 2016 – Свод правил 42.13330.2016. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения 01.04.2021)

Научная литература

Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. №. 5. С. 40–67.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Белоус Н.М. и др. Вероятность получения молока и кормов, не соответствующих допустимым уровням содержания Cs-137 на территории Юго-Запада Брянской области в отдаленный период после аварии на Чернобыльской АЭС // Радиация и риск. 2019. № 28 (3). С. 36–46. <https://doi.org/10.21870/0131-3878-2019-28-3-36-46>

Болдырева В.В., Овчарова В.Н. Итоги 30-летнего радиационно-гигиенического мониторинга на территориях Тульской области, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС // Радиационная гигиена. 2016. № 9 (2). С. 48–55. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2016-9-2-48-55>

Брук Г.Я., Базюкин А.Б., Братилова А.А., Яковлев В.А. Закономерности формирования и прогноз доз внутреннего облучения населения Российской Федерации и его критических групп в отдаленный период после аварии на Чернобыльской АЭС // Радиационная гигиена. 2019. № 12 (2). С. 66–74. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2019-12-2s-66-74>

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.

Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Израэль Ю.А., Богдевич И.М. (ред.) Атлас современных и прогнозных аспектов

последствий аварии на Чернобыльской АЭС на пострадавших территориях России и Беларуси. М.: Фонд “Иносфера” – НИА-Природа; Минск: Белкартография, 2009.

- Калинин И.* Историчность травматического опыта: рутин, революция, репрезентация // Новое литературное обозрение. 2013. № 6 (124). С. 18–34.
- Каприн А.Д., Старинский В.В., Петрова Г.В.* Злокачественные новообразования в России в 2018 году. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ “НМИЦ радиологии” Минздрава России, 2019.
- Каприн А.Д., Старинский В.В., Шахзадова А.О.* Злокачественные новообразования в России в 2019 году. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ “НМИЦ радиологии” Минздрава России, 2020.
- Лазарев В.С.* Психоэмоциональные проблемы Чернобыля. Роль средств массовой коммуникации в развитии постчернобыльского психологического неблагополучия населения // International Journal of Information Sciences for Decision Making. 1999. No. 3. С. 49–94.
- Марченко Т.А., Раздайкович А.И., Раздайкович А.Н.* Ретроспективное и современное состояние лесных территорий приграничных районов Брянской области, подвергшихся радиоактивному загрязнению // Радиационная гигиена. 2020. № 13 (2). С. 6–18. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2020-13-2-6-18>
- Марченко Т.А., Тазетдинова М.Н.* Социально-психологические проблемы граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие аварии на ЧАЭС // Радиация и риск. 2016. № 25 (4). С. 100–110. <https://doi.org/10.21870/0131-3878-2016-25-4-100-110>
- Мельнищкая Т.Б., Рыбников В.Ю., Хавыло А.В.* Социально-психологические проблемы жизнедеятельности и стрессовые реакции населения в отдаленном периоде после аварии на Чернобыльской АЭС. СПб.: Политехника-Сервис, 2015.
- Метелёва Т.О.* Чернобыль: историческая травма и иррациональный страх (украинская специфика преодоления) // Трансформація стратегічної стабільності та проблеми ядерної безпеки на початку ХХІ століття: збірник наукових праць / За заг. ред. А.І. Кудряченка. Київ: Інститут всесвітньої історії НАН України, 2017. С. 275–293.
- Моляко В.А.* Психологические последствия чернобыльской атомной катастрофы // Развитие личности. 2016. № 2. С. 32–52.
- Окладников С.М. и др.* (ред.) Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2020.
- Орлова Г.А.* Дискурсивное дозирование излучения // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2019. № 11 (1). С. 82–119. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-1-82-119>.
- Панов А.В. и др.* Радиоэкологическая оценка сельскохозяйственных земель и продукции юго-западных районов Брянской области, загрязненных радионуклидами в результате аварии на Чернобыльской АЭС // Радиационная гигиена. 2019. № 12 (1). С. 25–35. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2019-12-1-25-35>
- Румянцева Г.М., Чинкина О.В.* Проблемы восприятия и субъективной оценки риска от ионизирующей радиации // Радиационная гигиена. 2016. № 2 (3). С. 50–58.
- Спиридонов С.И., Алексахин Р.М., Фесенко С.В., Санжарова Н.И.* Чернобыль и окружающая среда // Радиоэкология. 2007. № 47 (2). С. 196–203.
- Ушакин С.* “Нам этой болью дышать”? О травме, памяти и сообществах // Травма:

- пункты / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (2). С. 40.
- Шершаков В.М. и др.* (ред.) Радиационная обстановка по территории России и сопредельных государств в 2019 г. Обнинск: ФГБУ НПО “Тайфун”, 2020.
- Яблоков А.В., Нестеренко В.Б., Нестеренко А.В., Преображенская Н.Е.* Чернобыль: последствия катастрофы для человека и природы. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.
- Audergon A.* Collective Trauma: The Nightmare of History // *Psychotherapy and Politics International*. 2004. No. 2 (1). P. 16–31. <https://doi.org/10.1002/ppi.67>
- Arndt M.* Memories, Commemorations, and Representations of Chernobyl: Introduction // *Anthropology of East Europe Review*. 2012. No. 30 (1). P. 1–12.
- Bromet E.J., Havenaar J.M.* Psychological and Perceived Health Effects of the Chernobyl Disaster: a 20-year Review // *Health Physics*. 2007. No. 93 (5). P. 516–521. <https://doi.org/10.1097/01.HP.0000279635.14108.02>.
- Bromet E.J., Havenaar J.M., Guey L.T.* A 25 Year Retrospective Review of the Psychological Consequences of the Chernobyl Accident // *Clinical Oncology*. 2011. No. 23 (4). P. 297–305. <https://doi.org/10.1016/j.clon.2011.01.501>.
- Cardis E. et al.* Cancer Consequences of the Chernobyl Accident: 20 Years on // *Journal of Radiological Protection*. 2006. No. 26 (2). P. 127–140. <https://doi.org/10.1088/0952-4746/26/2/001>.
- Chuchvaha H.* Memory, Trauma, and the Maternal: Post-apocalyptic View of the Chernobyl/Chornobyl/Charnobyl Nuclear Disaster. East/West // *Journal of Ukrainian Studies*. 2020. No. 7 (2). P. 3–31. <https://doi.org/10.21226/ewjus608>.
- Do X.B.* Fukushima Nuclear Disaster Displacement: How far People moved and determinants of Evacuation Destinations // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2019. No. 33. P. 235–252. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2018.10.009>.
- Dodonova V. et al.* Strategy and Tactics of Behaviour of Subjects and Objects of Historical Trauma // *Analele Universităţii din Craiova. Istorie*. 2019. No. 10.2 (36). P. 153–164.
- Edelstein M.R.* Contaminated Communities: Coping With Residential Toxic Exposure. N.Y.: Routledge, 2003.
- Erikson K.T.* Everything in its Path. N.Y.: Simon & Schuster, 1978.
- Foster R.M.P.* The Long-Term Mental Health Effects of Nuclear Trauma in Recent Russian Immigrants in the United States // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2002. No. 72 (4). P. 492–504. <https://doi.org/10.1037/0002-9432.72.4.492>.
- Giddens A.* Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, Calif.: Stanford university press, 1991.
- Kwesell A.* Trauma, Self-stigma, and Visual Narrative: Participatory Research in Shinchimachi, Fukushima, following Japan’s 2011 Nuclear Disaster // *Visual Communication*. 2020. No. 0 (0). P. 1–26. <https://doi.org/10.1177/1470357220912458>.
- Lochard J.* Psychological and Social Impacts of Post-accident Situations: Lessons from the Chernobyl Accident. Austria: Berger, 1996.
- Manier D., Hirst W.* A Cognitive Taxonomy of Collective Memories // *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Hand-book*. N.Y.: De Gruyter, 2008. P. 253–262.
- Marchesini I.* A New Literary Genre. Trauma and the Individual Perspective in Svetlana

- Aleksievich's Chernobyl'skaia Molitva // Canadian Slavonic Papers. 2017. No. 59 (3–4). P. 313–329. <https://doi.org/10.1080/00085006.2017.1379128>
- Phillips B.D., Thomas D.S.K., Fothergill A., Blinn-Pike L. (eds.) Social Vulnerability to Disasters. Boca Raton, FL: CRC Press, 2010.
- Smith J.T., Beresford N.A. (eds.) Chernobyl – Catastrophe and Consequences. Chichester: Praxis publishing Ltd, 2005.
- Sonnenfeld J. Values in Space and Landscape // Journal of Social Issues. 1966. No. 22 (4). P. 71–82. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1966.tb00550.x>.
- Telukha S. Traumatic Chernobyl: Women's Memories // Wrocławski Rocznik Historii Mówionej. 2019. No. 9. P. 119–136. <https://doi.org/10.26774/wrhm.238>
- Zhukova E. Whose Responsibility? Chernobyl as Trauma Management in Belarus and Ukraine. PhD Dissertation. Aarhus. 2015.
- Zhukova E. From Ontological Security to Cultural Trauma: The Case of Chernobyl in Belarus and Ukraine // Acta Sociologica. 2016. No. 59 (4). P. 332–346. <https://doi.org/10.1177/0001699316658697>.

Research Article

Belova, Yu.Yu., M.E. Muravitskaia, and N.M. Melnikova. Collective Trauma and the Memory of the Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant: 35 Years after the Disaster [Kollektivnaia travma i pamiat' ob avarii na Chernobyl'skoi AES: k 35-letiiu radiatsionnoi katastrofy]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 3, pp. 197–218. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030113> EDN: HWOBOR ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Yuliya Belova | <http://orcid.org/0000-0003-2866-328X> | ybelova@hse.ru | National Research University Higher School of Economics (Myasnitskaya St. 18, Moscow, 101000, Russia)

Margarita Muravitskaia | <http://orcid.org/0000-0003-0622-1114> | m.muravitskaia@hse.ru | National Research University Higher School of Economics (Myasnitskaya St. 18, Moscow, 101000, Russia)

Nadezhda Melnikova | <http://orcid.org/0000-0002-3241-4529> | nmmelnikova@edu.hse.ru | National Research University Higher School of Economics (Myasnitskaya St. 18, Moscow, 101000, Russia)

Keywords

Chernobyl, trauma, collective memory, ontological security, radiation risks

Abstract

The article draws on the concepts of Aleida and Jan Assmann and Anthony Giddens to enquire into the mechanics of Chernobyl's collective trauma and the ways of maintaining ontological security by people who have lived in areas contaminated by radiation. It focuses on the cases of Novozybkov, the Bryansk region, and Plavsk, the Tula region, where a range of in-depth field interviews were conducted. We show the different strategies employed by different people in order to keep safe in the radiation zones and manage radiation risks. These strategies differ both in the patterns of acknowledgement of risks and in the choice of actions taken toward the minimization

of risks; these are 1) the silencing of traumas (Assmann) or the bracketing out of risks (Giddens) either through a) the denial of the risk, when nothing is done to minimize it, or b) through the denial of the risk followed by unconscious efforts at managing it, or else c) by the acceptance of the risk followed by the deliberate refusal to act toward minimizing it; and 2) the conscious managing of the risks through the acknowledgement and acceptance of the impact of radiation and active efforts taken to reduce or minimize it.

References

- Audergon, A. 2004. Collective trauma: The nightmare of history. *Psychotherapy and politics international* 2 (1): 16–31. <https://doi.org/10.1002/ppi.67>
- Assmann, A. 2014. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assmann, A. 2019. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assmann, J. 2004. *Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Belous, N.M., et al. 2019. Veroiatnost' polucheniia moloka i kormov, ne sootvetstvuiushchikh dopustimym urovniam sodержaniia Cs-137 na territorii Yugo-Zapada Brianskoi oblasti v otdalennyi period posle avarii na Chernobyl'skoi AES [The Likelihood of Obtaining Milk and Feed that does not meet the Permissible Levels of Cs-137 in the South-West of the Bryansk Region in the Remote Period after the Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant]. *Radiatsiia i risk* 28 (3): 36–46. <https://doi.org/10.21870/0131-3878-2019-28-3-36-46>
- Boldyreva, V.V., and V.N. Ovcharova. 2016. Itogi 30-letnego radiatsionno-gigienicheskogo monitoringa na territoriakh Tul'skoi oblasti, podvergshikhsia radioaktivnomu zagriazneniiu v rezul'tate avarii na Chernobyl'skoi AES [Results of 30-year Radiation and Hygienic Monitoring in the Territories of the Tula Region exposed to Radioactive Contamination as a Result of the Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant]. *Radiatsionnaia gigiena* 9 (2): 48–55. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2016-9-2-48-55>
- Bromet, E.J., and J.M. Havenaar. 2007. Psychological and Perceived Health Effects of the Chernobyl Disaster: a 20-year Review. *Health physics* 93 (5): 516–521. <https://doi.org/10.1097/01.HP.0000279635.14108.02>
- Bromet, E.J., J.M. Havenaar, and L.T. Guey. 2011. A 25-year Retrospective Review of the Psychological Consequences of the Chernobyl Accident. *Clinical Oncology* 23 (4): 297–305. <https://doi.org/10.1016/j.clon.2011.01.501>
- Bruk, G.Y., et al. 2019. Zakonomernosti formirovaniia i prognoz doz vnutrennego oblucheniia naseleniia Rossiiskoi Federatsii i ego kriticheskikh grupp v otdalennyi period posle avarii na Chernobyl'skoi AES [Regularities of Formation and Forecast of Doses of Internal Exposure of the Population of the Russian Federation and its Critical Groups in the Remote Period after the Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant]. *Radiatsionnaia gigiena* 12 (2): 66–74. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2019-12-2s-66-74>
- Cardis, E., et al. 2006. Cancer Consequences of the Chernobyl Accident: 20 Years on. *Journal of radiological protection* 26 (2): 127–140. <https://doi.org/10.1088/0952-4746/26/2/001>

- Chuchvaha, H. Memory, Trauma, and the Maternal: Post-apocalyptic View of the Chernobyl/Chornobyl/Charnobyl Nuclear Disaster. East/West. *Journal of Ukrainian Studies* 7 (2): 3–31. <https://doi.org/10.21226/ewjus608>.
- Do, X.B. 2019. Fukushima Nuclear Disaster Displacement: How far People moved and determinants of Evacuation Destinations. *International Journal of Disaster Risk Reduction* 33: 235–252. <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2018.10.009>.
- Dodonova, V. et al. 2019. Strategy and Tactics of Behaviour of Subjects and Objects of Historical Trauma. *Analele Universității din Craiova. Istorie* 10.2 (36): 153–164.
- Edelstein, M.R. 2003. *Contaminated Communities: Coping With Residential Toxic Exposure*. New York: Routledge.
- Erikson, K.T. 1978. *Everything in its Path*. New York: Simon & Schuster.
- Eyerman, P. 2016. Kul'turnaia travma i kollektivnaia pamiat' [Cultural Trauma and Collective Memory]. *Russian Studies in Literature* 5: 40–67.
- Foster, R.M.P. 2002. The Long-Term Mental Health Effects of Nuclear Trauma in Recent Russian Immigrants in the United States. *American Journal of Orthopsychiatry* 72 (4): 492–504. <https://doi.org/10.1037/0002-9432.72.4.492>.
- Giddens, A. 1991. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford university press.
- Giddens, E. 1994. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, Risk and Safety]. *THESIS* 5: 107–134.
- Giddens, E. 2005. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Giddens, E. 2011. *Posledstviia sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow: Praksis.
- Kalinin, I. 2013. Istorichnost' travmaticheskogo opyta: rutina, revoliutsiia, reprezentatsiia [Historicity of Traumatic Experience: Routine, Revolution, Representation]. *Russian Studies in Literature* 6 (124): 18–34.
- Kwesell, A. 2020. Trauma, Self-stigma, and Visual Narrative: Participatory Research in Shinchimachi, Fukushima, following Japan's 2011 Nuclear Disaster. *Visual Communication* 0 (0): 1–26. <https://doi.org/10.1177/1470357220912458>.
- Lazarev, V.S. 1999. Psikhoemotsional'nye problemy Chernobylia. Rol' sredstv massovoi kommunikatsii v razviti postchernobyl'skogo psikhologicheskogo neblagopoluchii naseleniia [Psychoemotional Problems of Chernobyl. The Role of Mass Media in the Development of Post-Chernobyl Psychological Ill-being of the Population]. *International Journal of Information Sciences for Decision Making* 3: 49–94.
- Lochard, J. 1996. *Psychological and Social Impacts of Post-accident Situations: Lessons from the Chernobyl Accident*. Austria: Berger.
- Manier, D., and W. Hirst. 2008. A Cognitive Taxonomy of Collective Memories. In *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary hand-book*, edited by A. Erll, and A. Nünning, 253–262. New York: De Gruyter.
- Marchenko, T.A., A.I. Radin, and A.N. Razdaivodin. Retrospektivnoe i sovremennoe sostoianie lesnykh territorii prigranichnykh raionov Brianskoi oblasti, podvergshikhsia radioaktivnomu zagriazneniiu [Retrospective and Current State of Forest Areas of the Border Areas of the Bryansk Region, exposed to Radioactive Contamination]. *Radiatsionnaia gigiena* 13 (2): 6–18. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2020-13-2-6-18>
- Marchenko, T.A., and M.N. Tazetdinova. 2016. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy grazhdan, podvergshikhsia radiatsionnomu vozdeistviu vsledstvie avarii na ChAES [Socio-psychological Problems of Citizens exposed to Radiation

- as a Result of the Chernobyl Accident]. *Radiatsiia i risk* 25 (4): 100—110. <https://doi.org/10.21870/0131-3878-2016-25-4-100-110>
- Marchesini, I. 2017. A New Literary Genre. Trauma and the Individual Perspective in Svetlana Aleksievich's Chernobyl'skaia Molitva. *Canadian Slavonic Papers* 59 (3–4): 313–329.
- Mel'nitskaia, T.B., V.Yu. Rybnikov, and A.V. Khavylo. 2015. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy zhiznedeiatel'nosti i stressovye reaktsii naseleniia v otдалennom periode posle avarii na Chernobyl'skoi AES* [Socio-psychological Problems of Life and Stress Reactions of the Population in the Remote Period after the Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant]. St. Petersburg: Politekhnikha-Servis.
- Meteleva, T.O. 2017. Chernobyl': istoricheskaia travma i irratsional'nyi strakh (ukrainskaia spetsifika preodoleniia) [Chernobyl: Historical Trauma and Irrational Fear (Ukrainian Specifics of Overcoming)]. *Transformatsiia strategichnoi stabil'nosti ta problemi iadernoi bezpeki na pochatku XXI stolittia: zbirnik naukovikh prats'* [The Transformation of Strategic Stability and the Problems of Nuclear Safety in the Early 21st Century: A Collection of Articles], edited by A.I. Kudriachenko, 275–293. Kyev: Institut vsesvitnoi istorii NAN Ukraini.
- Moliako, V.A. 2016. Psikhologicheskie posledstviia chernobyl'skoi atomnoi katastrofy [Psychological Consequences of the Chernobyl Nuclear Disaster]. *Razvitie lichnosti* 2: 32–52.
- Okladnikov, S.M., et al. (eds.) 2020. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic Indicators]. Moscow: Rosstat.
- Orlova, G.A. 2019. Diskursivnoe dozirovanie izlucheniia [Discursive Dosage of Radiation]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovani* 11 (1): 82–119. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-1-82-119>.
- Panov, A.V., et al. 2019. Radioekologicheskaia otsenka sel'skokhoziaistvennykh zemel' i produktsii yugo-zapadnykh raionov Brianskoi oblasti, zagriaznennykh radionuklidami v rezul'tate avarii na Chernobyl'skoi AES [Radioecological Assessment of Agricultural Land and Products of the Southwestern Districts of the Bryansk Region contaminated with Radionuclides as a Result of the Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant]. *Radiatsionnaia gigiena* 12 (1): 25–35. <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2019-12-1-25-35>
- Phillips, B.D., D.S.K. Thomas, A. Fothergill, and L. Blinn-Pike (eds.) 2010. *Social Vulnerability to Disasters*. Florida: CRC Press.
- Rumiantseva, G.M., and O.V. Chinkina. 2016. Problemy vospriiatii i sub'ektivnoi otsenki riska ot ioniziruiushchei radiatsii [Problems of Perception and Subjective Risk Assessment from Ionizing Radiation]. *Radiatsionnaia gigiena* 2 (3): 50–58.
- Shershakov, V.M., et al. (eds.) 2020. *Radiatsionnaia obstanovka po territorii Rossii i sopredel'nykh gosudarstv v 2019 g.* [Radiation Situation on the Territory of Russia and Neighboring States in 2019]. Obninsk: FGBU “Nauchno-proizvodstvennoe ob'edinenie “Taifun”.
- Smith, J.T., and N.A. Beresford (eds.) 2005. *Chernobyl – Catastrophe and Consequences*. Chichester: Praxis publishing Ltd.
- Sonnenfeld, J. 1966. Values in Space and Landscape. *Journal of Social Issues* 22 (4): 71–82. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1966.tb00550.x>
- Spiridonov, S.I., et al. 2007. Chernobyl' i okruzhaiushchaia sreda [Chernobyl and the Environment]. *Radioekologiya* 47 (2): 196–203.
- Telukha, S. 2019. Traumatic Chernobyl: Women's Memories. *Wroclawski Rocznik Historii Mówionej* 9: 119–136.

- Ushakin, S., and E. Trubina (eds.) 2009. *Travma: punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Halbwachs, M. 2005. Kollektivnaia i istoricheskaia pamyat' [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyj zapas* 2–3 (2): 40.
- Yablokov, A.V., V.B. Nesterenko, A.V. Nesterenko, and N.E. Preobrazhenskaya. 2016. *Chernobyl': posledstviia katastrofy dlia cheloveka i prirody* [Chernobyl: Consequences of the Catastrophe for Humans and Nature]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK.
- Zhukova, E. 2015. Whose Responsibility? Chernobyl as Trauma Management in Belarus and Ukraine. PhD Dissertation. Aarhus.
- Zhukova, E. 2016. From Ontological Security to Cultural Trauma: The Case of Chernobyl in Belarus and Ukraine. *Acta Sociologica* 59 (4): 332–346. <https://doi.org/10.1177/0001699316658697>.